

A woman with long blonde hair, wearing a red bikini, is shown from the waist up. She is looking down and slightly to the left. The background is dark.

Александръ Дунаенко

ЕСТЬ ЛИ ЖИЗНЬ

На

Марсе?..

Рассказы

о

взрослой любви

Александр Дунаенко

**Есть ли жизнь на Марсе?..
Рассказы о взрослой любви**

«Издательские решения»

Дунаенко А.

Есть ли жизнь на Марсе?.. Рассказы о взрослой любви /
А. Дунаенко — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-746082-2

Проза Александра Дунаенко — это неожиданные сюжеты, непредсказуемые развязки, жесткая и в то же время в рамках приличия эротика. Повесть «Есть ли жизнь на Марсе?..», рассказы «Принцесса, дочь короля», «Сколько на небе лун?», «Клеопатра» рассчитаны на вкус самого взыскательного читателя. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-746082-2

© Дунаенко А.
© Издательские решения

Содержание

Есть ли жизнь на Марсе?..	6
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Есть ли жизнь на Марсе?.. Рассказы о взрослой любви

Александр Дунаенко

Дизайнер обложки Александр Дунаенко

© Александр Дунаенко, 2019

© Александр Дунаенко, дизайн обложки, 2019

ISBN 978-5-4474-6082-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Есть ли жизнь на Марсе?..

До пенсии оставалось три года. Всего-то три года оставалось до пенсии! Уже и планы себе какие-то рисовал оптимистические. Ну, там – поездки по Европе, встречи с интересными людьми. Полноценное общение с внуками.

Нет, до конца я всё-таки ещё не понял, не осознал, что такое пенсия, пенсионный возраст.

С одной стороны – в голове ещё сидит представление о пенсии и пенсионерах – как о предсмертном состоянии. Вот есть она, длинная жизнь – от горшка до сорока-пятидесяти лет, когда не думаешь ни о болезнях, ни о кладбище.

Вот моей маме сейчас за восемьдесят, так разговоры у неё, любимые темы – кладбище, похороны и кто как умер. Есть ещё воспоминание современников: перечисление друзей, родственников, ныне покойных.

А я ещё, наверное, чего-то недопонимаю. Пока ещё ощущение, что выход на пенсию – это что-то вроде окончания университета. Впереди – карьера, новые горизонты, новые радости жизни. Ну, пусть не совсем так. Но – есть определённое сходство. По окончании пенсионного возраста тоже выдаётся документ. Единого образца. Очень серьёзный. Только вот в жизни он уже не пригодится. Нельзя прийти с ним куда-нибудь, показать и устроиться на работу. Получить без очереди двести граммов сливочного масла. Бесплатно проехать в троллейбусе или на метро.

А для того, чтобы получить такой документ, нужно в жизнь поступить (приём без экзаменов), потом прожить её определённое количество лет (для каждого срок определяется сугубо индивидуально), и – окончить. Для окончания никаких препятствий. Любой балл проходной. Событие отмечается коллективом близких друзей и родственников.

И как-то грустная истина о том, что пенсия – понятие, напрямую связанное с работоспособностью, жизненным ресурсом – эта истина, кажется, не касается конкретно меня. По-прежнему представляется, что, если уже и могилка – то это ещё очень далеко. А болячки – откуда им взяться? Не пью, не курю. Гуляю.

Вон, у друга в сорок лет уже разбухла простата. Сам виноват. Должна быть нормальная, полноценная половая жизнь. Не даёт жена – ходи на сторону. Сходи в секс-шоп, купи себе подходящую игрушку, видеокассеты.

Мы не можем ждать милостей от природы.

Ну и – вот. До пенсии, значит, три года. Подходит очередная медицинская комиссия. В нашей организации бригада медиков из Екатеринбурга ежегодно обследует сотрудников на состояние пригодности к работе. И ничто не предвещало недоброго. Даже простата.

А тут зашёл к врачу, который ухогорлонос. Красивая молоденькая женщина. Комиссию мы проходили летом. В помещении тепло – халатик на ухогорлоносе практически на голое тело. Ну, я, чтобы задержаться, чтобы всё как-то получше рассмотреть (зрение у меня 100% –

только что проверил), я этой фее в тонком халатике и решил пожаловаться: – Что-то у меня, говорю, со слухом.

А у меня, уже не помню с какого времени, и, правда, заметное ослабление слуха на левое ухо. (*Слуха – ухо*. Всё-таки пропадает во мне поэт...). Но никто этого моего дефекта (я насчёт ушей) никогда не замечал, потому что другим ухом я даже ультразвуки улавливаю.

Думал я – посадит сейчас меня подле себя обаятельная и привлекательная, и проведу я с ней несколько приятных минут в беседах, полезных для глаза и для здоровья.

Комиссия-то у нас из самого Екатеринбурга. Когда ещё в нашей глубинке живую женщину из настоящей сибирской столицы увидишь. От них, от городских, и духи, и манеры. И бельё – вон какое просвечивает!..

Но не посадила меня столичная врач за лечебный столик, а приказала сразу уйти в дальний угол комнаты, повернуться к ней спиной, закрыть правое ухо и слушать, какие она мне будет слова говорить. Ничего интересного. Когда посадила, наконец, к себе за столик, мне было уже не до любезностей. – Вам, говорит, нельзя уже работать в вашей организации, потому что вы не проходите по здоровью ваших ушей.

Вот и всё. Добаловался. Провёл несколько приятных минут. Вот ведь, старый дурак, и чёрт же меня за язык дёрнул! Молчал бы и доработал бы тихонько до пенсии свои три года... Как там, у Высоцкого: « Так тебе и надо, раз такой болван! Нечего глядеть на тот аероплан!...».

Через неделю я уже ехал в автобусе обратно в Казахстан, в свой Актюбинск. Нужно было искать работу. Хоть какую. В Актюбинске оставались друзья, родственники. А в России за десять лет жизни так ни теми, ни другими не обзавёлся.

Для Казахстана у меня, правда, совсем неподходящая национальность. Она называется *неказах*. Но не буду загадывать наперёд. А, вдруг, повезёт, может, ещё чего и получится.

Ехал в автобусе, слушал радио. Новости были про Францию. Сложное было во Франции положение. Николя Саркози уходил с поста Президента страны, предстояли очередные выборы, но народ не знал, за кого ему нужно голосовать. На улицах Парижа было неспокойно. Студенты жгли костры. Вокзалы были запружены эмиссарами с Украины, которые подбивали доверчивых французов на оранжевую революцию. Клошары кидали в гаменов камнями и конфетами «Рафаэлло». Те отбивались круассанами.

В три смены бесплатно работали проститутки, отдаваясь полицейским, брошенным для наведения порядка.

Наконец, выдержав необходимую политическую паузу, по Французскому телевидению выступил сам Саркози и всех успокоил. Он объявил, что голосовать нужно будет за Луи Бернара. Хороший человек. Это ничего, что никто в стране его толком не знает. До выборов ещё три месяца. А потом ещё два президентских срока – как пить дать. Будет ещё время познакомиться.

И что тут во Франции началось! Народному ликованию не было границ. Закончилась тревожная полоса в жизни нации. На улицы и бульвары французских городов вылились толпы народа для выражения своей патриотической радости.

Под крики: «Франция для французов!!!» активисты молодёжного движения приволокли под Триумфальную арку двух русских и одного турка и забили ногами до смерти.

Естественно, на поддержание порядка были брошены лучшие силы полиции.

И с новым воодушевлением работали в три смены и старые и малые проститутки, отдаваясь им без страха и упрёка на самых ответственных и опасных панелях французской столицы.

.....

Актюбинск. Я сижу в кафе «Шалкыма», что на перекрёстке Ленинского проспекта и проспекта Алии Молдагуловой. Со мной за столиком Борька Мерзликин и его жена Тоня. Борька местный миллионер. Владелец кафе, нескольких бензозаправок и казино. Игровые автоматы в магазинах и в каждой подворотне – тоже Борькины. Борька – мой бывший одноклассник. Я сидел в кафе, и он меня узнал. Узнала меня и его жена. Потому что вообще в этом городе меня десять лет назад знала каждая собака. Я работал на телевидении, вёл популярную программу. Тоня смотрела на меня и повторяла: – Ах! Неужели, правда, это вы? Прямо не верится! Можно, я до вас дотронусь?

Дотронулась. При их семейных миллионах ей, видимо, только этого ещё не хватало для полного счастья. Мы с Борькой разговаривали о том, о сём, вспоминали школьные годы. Я больше молчал, поддакивал. Давно не виделась, но было у меня всегда ощущение, что Борька человек гаденький, хотя лично мне он ничего плохого не делал. От юности запомнился только один эпизод.

Мы учились тогда в восьмом классе, и Борька хвалился, что трахнул одну девчонку, что она была целка и сообщал массу подробностей своего подвига. Он даже её назвал. Для нас, пятнадцатилетних мальчишек, многие Борькины откровения казались похожими на неправду, но слушали его с интересом. А на девчонку, которую он нам назвал, поглядывали с особым вниманием: она уже не целка. И сделал это с ней Борька. Наверное, и продолжает делать.

И это было правдой. И уже совсем взрослой.

Однажды на школьном дворе Борька, хихикая, сплёвывая семечки, сказал, что его девчонка забеременела. А он быстро нашёл способ, чтобы от неё избавиться. Пошёл к ней в гости с товарищем. Выпили немного вина. Потом Борька на минуту вышел из комнаты, будто бы покурить. А товарища до этого подговорил изобразить приставание к своей девчонке.

Тут Борька и вошёл: – Ах ты, блядь! Сука!

Девчонка плакала, кричала, что она ни при чём. Не помогло. Борька избил её сначала руками, а потом ещё и ногами.

Ушёл оскорблённый, с чистой совестью.

Борька сидел напротив меня в кафе и рассказывал о своей карьере. О том, как он, так и не окончив средней школы, научился делать большие деньги. Как за это его при Советской власти несколько раз сажали.

И как потом, после капиталистической революции, емугодились его природные таланты.

Всё это время его жена Тоня влюбленно на меня смотрела, улыбалась, и что-то нащёптывала на ушко своему супругу.

– Ну, а ты, Саня, как? – спросил, наконец, Борька меня. Я в двух словах обрисовал ему свою ситуацию. Краски старался не сгущать, скорее, наоборот, старался представить всё в очень забавном виде. Все вместе мы даже посмеялись. Обменялись адресами, телефонами.

На том и расстались.

А положение у меня вообще-то было хреновое. Известный в прошлом журналист уже не вписывался в формат обновлённых средств массовой информации. Я оказался той самой короной из фильма «Мимино», которую в своём посёлке невозможно продать, потому что её все знают. Во всех местных газетах, на радио, на телевидении, мне вежливо отказывали, ссылаясь на отсутствие вакансий. Редактор газеты «Диапазон» Лена Гетманова, с которой мы вели когда-то информационную программу на телевидении, задумалась: – У нас на радио нужен корреспондент. Но... А ты информации писать умеешь?.. И, заметив недоумение в моих глазах, добавила: – Ну, знаешь, ведь на радио своя специфика...

А ведь это я когда-то пригласил её работать в свою программу...

Кроме журналистики для меня в городе оставался только неквалифицированный труд. Подметать улицы. Работать на базаре грузчиком. Продавать газеты.

Вообще-то я всегда боялся, что где-нибудь на склоне лет попаду вдруг в ситуацию, когда мне придётся спать в подвалах и рыться по мусорным бакам. Ведь у всех этих людей, на которых мы даже стараемся не смотреть – оборванных, грязных – у всех у них была когда-то нормальная человеческая жизнь.

И все они когда-то были детьми.

От тюрьмы, да от сумы...

Я жил пока у друзей, пока в гостях. Но для того, чтобы остаться друзьями, лучше всё-таки вовремя куда-нибудь определиться. Не получится с жильём, с работой, то хоть подвал подыскать попримечней...

И вот сижу я у друзей на кухоньке, грызу сухарик, и тут телефон зазвонил. Объявился мой старый школьный товарищ, миллионер и козёл Борька Мерзликин. Спросил, не слушая, как дела. Сказал, что нужно поговорить и, если у меня есть время, чтобы зашёл к нему в кафешку.

Время!.. Его у меня по самые мои глухие уши.

Что там ещё придумал Борюсик? Может, нужен ему половой в его забегаловке? Ну, я в принципе, уже готов. Не подвал. И не мусорные баки. В тепле. И, если объедки, то все свежие.

Пошёл к Мерзликину – ещё зачем-то галстук повязал. Модный был галстук в начале девяностых. Половой в галстук – барин ещё к жалованью копеечку накинёт...

Впрочем, чего это я решил, что Борька примет участие в моём трудоустройстве? Ему своих хлопот мало? Бензин на заправках бодяжить. Жену, которая моложе его лет на пятнадцать, подарками и развлечениями от вредных мыслей отвлекать.

Долго ли она у него продержится? Моложе-то моложе, но мой школьный товарищ за свои деньги и восемнадцатилетнюю может стащить где-нибудь с подиума... Как помнится, к женщинам он никогда особо не привязывался, шибко ими не дорожил...

Борьку вызвали из подсобки. Увидел меня – обрадовался. Сказал, что боялся меня не найти. У него тут возникла проблема. Поэтому он боялся не найти именно меня.

Может, ему не половой требуется, а брать нужно круче – вышибала?

Ну, нет, на вышибалу я не потяну. Вышибала перво-наперво одним своим видом должен на порядок в заведении воздействовать, а – какой у меня вид? Тощий, сутулый, длинный, как жердь.

А, придётся кому по чердаку съездить, так мне же первому и достанется...

– Тут, Саня, такое дело, – прервал мои радужные мысли Борюсик. Ты, конечно, мою жену Тоню видел? – Видел, – говорю. И не совсем понимаю, к чему вдруг Борька заговорил про свою жену.

А дело было в следующем.

Оказывается, когда-то давно, ещё в двадцатом веке, жена Борюсика, Тоня, была ярой моей поклонницей. И уже вышла замуж за своего мешка с баксами, а про меня всё помнила, мечтала обо мне тайно и целомудренно, а, как вдруг увидела в кафе кумира своей юности, так все уши обо мне Мерзликину прожужжала.

Что-то Мерзликин мялся. Будто не знал, с чего начать. – Знаешь, Саня, – наконец, приступил, – Тонька, моя жена... – Посидел ещё пособирался с мыслями. Мы сидели за пустым столиком. Две чашечки кофе – и больше ничего. Борька размешивал в чашечке щепотку фруктового сахара и всё не знал, как ему продолжить. Что-то не находилось у него слов, чтобы нормальному мне всё объяснить. Если бы он меня просто собирался взять к себе на работу, то уж так бы не церемонился. Порядки у него тут простые, русские. Проходил он как-то по кухне своего кафе, решил супчик попробовать. Прогдегустировать. Супчик ему не понравился, так он его зачерпнул из трёхведёрной кастрюли ополовничком и поварихе на голову вылил. И ещё с ног до головы – самым грязным матом.

И все вокруг отвернулись, будто не заметили. И повариха тихонько фартучком вытерлась и ушла в кладовку плакать. Не плюнула ему в лицо. Не назвала ни гадом, ни сволочью. С работой вокруг времена тяжёлые. Капитализм. Нужно терпеть.

И вот этот монстр, с жирной рыжей мордой, мой бывший школьный товарищ, а ныне миллионер, Борька Мерзликин, сидел передо мной и чего-то мялся, никак не мог определиться, какими словами сказать мне, чего ему от меня нужно.

И он опять начал про жену Тоню.

О том, что баб у него было много. Менял он их часто, как презервативы, а иногда и прямо вместе с ними. А потом повстречал свою Тоню. И влюбился. И она у него самая лучшая. И уже последняя. Что детей у них пока нет, но обязательно будут. И он, Борька Мерзликин, всегда старается исполнять все её желания. Побывала она с ним на всех знаменитых курортах. Как новый год – так отмечают его супруги Мерзликины обязательно под пальмами. Платья из Парижа, жемчуг – со дна моря.

И он, Борька Мерзликин, готов ради Тони своей пойти на любые жертвы.

Тем более что жертва на этот раз для любимой жены потребовалась не совсем обычная.

И тут Борька опять запутался в словах, опять начал будто издалека, но получилось прямо в лоб. Он сказал: – Саня, а, можно, ты у нас поживёшь?..

– Поживёшь – это что? – не понял я.

– Ну, понимаешь, ты работал на телевидении, знаменитость. По тебе весь город когда-то сходил с ума. И вот моя Тоня...

У нас в бывшем Советском Союзе раз в году обязательно показывают фильм «С лёгким паром!». По всем каналам. Есть ещё несколько фильмов, которые составляют для бывшего советского зрителя подарочную обойму. И среди них – французский фильм «Игрушка». Очень правдивая выдумка. С хорошей музыкой. Со знаменитыми актёрами. (Так и подмывает сказать Сришаром, но я воздержусь).

Поэтому пересказывать я его не буду.

Борька предложил мне пожить у него в квартире игрушкой. Так захотелось его любимой жене Тоне.

Пока он мямлил, мусолил, соединял в звуки объяснительные для меня слова, я подумал, что у меня в голове случились глюки на почве нервных переживаний. Потерял работу, не знаю, как дальше жить. Не сплю ночами. А, как усну – не хочу просыпаться. Вот и сорвался. Вот и поплыла в голову всякая аудиовидеодребедень – то, чего на самом деле нет, а у меня в голове уже есть. Вот сидит передо мной Борька, мой школьный товарищ, лицо покраснело, лысина покрылась потом. Он шлёпает что-то губами, смотрит, то на меня, то – долго – в окно.

Наконец, замолчал.

Оно – глюки не глюки, а ведь ситуации всегда анализируешь – обдумываешь, хоть во сне они, хоть наяву.

Пока Борька говорил, я все возможные ситуации уже проиграл, всё быстренько себе успел представить. Если уж молодая Тоня собирается взять меня в игрушки, то уж явно не для того, чтобы по выходным с меня пыль стряхивать.

Но первое, что приходило мне в голову, и что, очевидно, предполагалось, вменить мне в обязанности, меня совсем не прельщало. Скорее, отпугивало. В мои лета я, конечно, вполне ещё подходил для роли свадебного генерала, но – отнюдь не бравого вояки, который, храбро стискивая в обеих руках жёсткое древко знамени своей дивизии, карабкается на Рейхстаг. Нет уж, увольте. Пусть знамя водружает кто-нибудь другой.

Мало ли их – красивых и юных. У каждого свой борзый, озорной неваляшка, Ванька-встанька. При чём тут я?

Про меня, про таких, как я, уже книги пишут. К примеру: «Есть ли секс после сорока?..».

Есть ли жизнь на Марсе?..

Ехал я как-то в машине с пьяным Томчуком – заместителем председателя колхоза «Юбилейный». Томчук, естественно, за рулём. Ночь, машина со скоростью семьдесят километров в час виляла от кювета к кювету.

Томчук рулил и чуть не плакал – жаловался на министра Зурабова. Он, рыдал на дорогу и кричал, стараясь перекрыть шум и грохот УАЗика: – Понимаешь, он, этот Зурабов, с трибуны сказал, что мужчины в России живут только до пятидесяти семи лет. И на них, на тех, кому за пятьдесят семь, денег в бюджет уже не закладывают. И это сказал министр здравоохранения!

Понимаешь, мне ещё до пенсии два года работать, а для России меня уже нет!..

И вот я, гражданин России, со своим возрастом, который по нашим российским меркам подошёл к своей критической массе, сижу сейчас напротив потерявшего ум человека и выслушиваю его сумасшедшие фантазии.

Есть ли после пятидесяти семи жизнь?..

– Но, – прервал мои размышления Борька – никакого секса. Помни – Тоня – моя жена. Ты у нас просто будешь жить. Отдельная комната, книги – какие хочешь, Интернет, телевизор. Но чтобы моя Тоня могла с тобой говорить, за тобой наблюдать. До тебя дотрагиваться. (Вот дура, всё-таки я её не понимаю!..) Дверь в твою отдельную комнату чтобы не запиралась. Секретов от моей Тони у тебя не должно быть никаких.

Вот ты всегда хотел писать книгу? Садись, у меня – пиши. Ты сколько получал на своей работе? Я буду платить тебе в пять раз больше. Зарплата, бесплатное жильё, питание! Ешь, что хочешь, заказывай. Хоть с нами – хоть отдельно. Наш бассейн – твой бассейн. Пройдёшь медкомиссию, помоешься и купайся, сколько хочешь!..

Борька опять вытер пот с лысины, с лица. Разговор давался ему непросто.

Он, Борька, долго свою жену отговаривал. Злился, ревновал. Но Тоня начала плакать круглые сутки и полнеть. Ходили советоваться к психоаналитику, он сказал, что может быть хуже. У миллионеров жёны обычно с очень легко ранимой, неустойчивой, психикой. Если сей-

час для Тони не разрешить ситуацию положительно, то, возможно, она не забеременеет, а дальнейшее развитие психоза может привести к необратимым последствиям.

На карту было поставлено продолжение фамилии Мерзликиных.

– Ты – самое дорогое, что у меня есть. Вся моя жизнь, все мои богатства – всё это твоё. Я живу для тебя, – говорил своему сыну французский магнат Рамбаль Гоше.

У Борьки Мерзликина ещё не было сына. Ему ещё не для кого было жить, собирать и умножать свои миллионы. Но он хотел, чтобы у него это случилось. У него была любимая жена, он хотел иметь от неё сына, для которого ему стоило, ему нужно было бы жить, кому завещать свои, провонявшиеся разбодяженным бензином, миллионы.

И для этого всего-то, подумаешь, какой-то пустяк – уступить жене в её малом капризе. Купить ей за копейки этого жалкого корреспондентушку...

– Ну и сошёл Борька с ума – мне-то какая разница, – стал думать я после того, как он намекнул на вполне приличное вознаграждение за мою жизнь в присутствии его жены Тони.

И в особенности вот этот, последний пунктик – что мне ничего с ней не надо будет делать, очень пришёлся мне по вкусу. Настолько, что я готов уже был согласиться на предложение моего приятеля.

Но он ещё не закончил.

У моего товарища Борьки Мерзликина были ещё ко мне некоторые условия.

– Я тебе, Саня, обеспечу всю твою жизнь, очевидно, подводя черту трудному разговору, сказал Борька. Положу деньги на счёт в банке, чтобы ты мог хорошо жить на проценты, когда Тоне надоест эта комедия. Положу заранее, всё – в присутствии адвоката, нотариуса. Но только ты должен выполнить одно условие. Только пойми меня правильно, я вкладываю деньги, у меня должны быть определённые гарантии.

Перед тем, как ты приступишь к своим обязанностям, тебе должны сделать операцию.

– Какую? – Тут я, наконец, подал голос. – Я только месяц, как после комиссии, врачи сказали, что, кроме тугоухости, я совершенно здоров.

– В том-то и дело, – сказал Борька. – Тебе нужно отрезать яйца.

Возможно ли простыми человеческими словами передать мою реакцию на это короткое Борькино заявление? Как раз – тот самый классический случай, когда словам становится тесно, а мыслям просторно.

Вот я и сидел, не мог сказать ни одного слова, хотя Борька, казалось бы, наконец, замолчал. И приготовился послушать и меня.

Он, наверное, подвинулся рассудком? Конечно – ежесекундно думать, как кого надуть, следить, чтобы не надули тебя, бояться конкурентов, бандитов, милиции. Любить жену и не видеть её сутками. Ревновать.

Бессонница. И, наверное, и – импотенция. Откуда ей взяться, потенции, если в постоянном стрессе?

Ладно, Бог с ним. Чего уж тут обижаться?

Я поднялся из-за столика: – Я пошёл, Боря. Ты не волнуйся, всё будет хорошо.

Передай кому-нибудь дела на пару недель. Побудь с женой, удели ей внимание. Свози её на ваши Мальдивы, или – там – на Канары не на Новый год, а сейчас. А, может – просто куда-нибудь в глухую деревню, где речка, лес...

Борька ухмыльнулся: – Знаешь, Саня... Ты себя со стороны видел?.. Ведь это раньше ты был Александр Иванович, звезда... А сейчас ты никто. Пустое место. Это для Тоньки остался к тебе какой-то интерес. Да и то, я думаю, ненадолго. Ведь я тебя насквозь вижу. Кому ты здесь нужен? Да и нигде ты не нужен. Ушло твоё время. Сейчас моё... наше время.

Борька тоже поднялся из-за столика, промокнул платочком лицо, вспотевшую лысину:

– Вот тебе сейчас случай подвернулся – чего жопой крутить? Другого такого не будет. Пойди домой или – где ты там сейчас остановился – подумай. Пока железо горячее.

А то я уже с хирургом договорился. На пятницу...

И вышел, опередив меня, на улицу, где его ждал уже джип с огромными колёсами и шофёром-тяжеловесом за рулём.

Нет, я конечно, и мысли не допускал!

А чего это Борюсик так волновался? Потел, мямлил... Ведь он был уверен, что проблем у него со мной не будет. Вон – даже и с хирургом уже договорился... Тут, конечно, другое. Такой крутой бизнесмен, вращается в самых высоких сферах местного бизнеса. А тут вдруг на глаза его любезной супруге попадает какой-то голодранец, которого она, его любимая женщина, хотела бы видеть возле себя. В его квартире, с его собственного согласия, и днём и ночью – другой мужчина.

И, вместо того, чтобы его просто замочить, как в кино показывают – ноги в чашку с цементом и в воду, – ему, Борису Мерзликину, ещё нужно уговаривать это ничтожество, чтобы оно согласилось своим присутствием в доме отравлять ему жизнь.

А ведь переступил же через себя, пошёл на уступки любимой женщине!..

Может, потом, через пару месяцев, так оно и будет – ноги в чашку с цементом и – в воду?..

Ладно, это всё меня уже не касается. Глаза бы мои не видели бы уже этого Мерзликина. Надо же!

К друзьям, во временное своё жилище, я вернулся поздно. Всё слонялся по городу, пытался отвлечься, оторваться от своих мыслей. Ещё оставались кое-какие деньги, и я бездумно их тратил, заказывая в попутной забегаловке ещё баночку пива, а, вдобавок, ещё и бутерброд, без которого в этот день я вполне мог уже обойтись.

...Дверь мне открыл Саша Карачун. Хороший человек. Когда-то мы вместе работали. Теперь уже две недели я пользовался его гостеприимством.

Но на этот раз Саша выглядел озабоченным. Он пытался улыбаться, но глаза почему-то прятал. – Мы уезжаем в Израиль, – сказал Саша. Всё было как-то неопределённо. А сегодня всё решилось с документами. Приехали ещё родственники из посёлка. Две семьи. Ты не мог бы пока где-нибудь переночевать?..

Саша сильно переживал, что ему приходится говорить мне такие слова. Я не обиделся. И так уже – целых две недели...

А положение у меня было не такое уже и критическое. У меня ещё была в родном городе площадь, которую, если уж очень припрёт, можно было бы назвать жилой.

В Актюбинске, в районе Аптекоуправления, у меня ещё оставался гараж, который я когда-то, при поспешном бегстве из республики, не успел продать. А чем гараж не жилплощадь, если другой никакой нет?

И у меня с собой были ключи.

Несколько суток я ещё прослонялся по городу, возвращаясь ночевать в собственную свою квартиру. Там был небольшой подвальчик, электричество. И даже диван. Железные двери. Можно поставить холодильник. Смастерить для отопления «козла». И даже водить баб.

Но перспектива, хоть и радужная, однако и она требовала определённой материальной подпитки. И я пробовал искать работу. Но меня поймёт всякий, кто пробовал искать работу в возрастной категории «после сорока пяти». Не говоря уже о существующем в городе негласном национальном цензе.

И, кроме того, областной центр был буквально наводнён бывшими жителями окрестных аулов. В деревнях, которые по своему природному предназначению, должны были кормить город, в их житницах и закромах уже давно ничего не было. Пустыми стояли кошары и свинок-комплексы, зарастали сорной травой поля. Старики ещё за что-то цеплялись, а молодёжь рвалась в город. Молодые парни и девушки хватались за любую работу. В этих условиях со своей морщинистой физиономией даже проситься грузчиком в магазин было как-то неловко.

Но я просился. И не только грузчиком. Часто меня узнавали. – А! – а-а!.. – говорили, – диктор! Радостно пожимали руки. Весело смеялись моей шутке насчёт какой-нибудь работы. Потом, когда на конкретный вопрос приходилось всё-таки отвечать – разводили руками: извините... мы бы рады, но...

В общем не получалось у меня никак с трудоустройством. Сейчас таким ситуациям есть модное объяснение: *не формат*. И куда же мне теперь со своим форматом? Вешаться, что ли?

Сидел я как-то в своём подвале на ободранном диванчике, думал, думал...

И подумал – А чёрт с ними, с яйцами! Что тут, в подвале, не человек, что там, в мерз-ликинских апартаментах, без яиц – вообще, неизвестно, кто... Может, правда – отрежут мне яйца и придёт ко мне великая мудрость, не отягощённая, не осложнённая никакой вредной посторонней тематикой. И напишу я, за компьютером и при хорошем питании великую книгу. А то и статую изваяю. Богиню с одной рукой. А то безрукие уже были, с руками и с веслом были. А я сделаю с одной рукой, чтобы она той уцелевшей рукой себе стыд прикрывала.

Такую статую не запахло будет и в Российской Государственной Думе выставить. И голая – ровно настолько, чтобы искусство обозначить, и, в то же время, на том месте, куда все смотрят – рука. Значит, есть у человека стыд. А, если к её голове ещё и косу присобачить – длинную такую, то куда там до нас Украине!..

А вдруг, когда у меня яиц не будет, ко мне творческие мысли перестанут приходить?

Нет... Лучше об этом не думать...

Где-то у меня был телефон этого лысого козла. Мог выкинуть от злости. Никак не мог подумать, что докачусь-таки до такого безумства...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.